

Л и н и я ж и з н и

МАРИЯ
САДЛОВСКАЯ

**ТВОЯ ЛЮБОВЬ
СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ**

НОВЕЛЛА и РАССКАЗЫ

МОСКВА

2017

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С14

Оформление серии *Сергея Курбатова*

Садловская, Мария.

С14 Твоя любовь сильнее смерти : повесть и рассказы / Мария Садловская. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Линия жизни. Проза Марии Садловской).

ISBN 978-5-699-98261-5

Уже давно отгремела война, но не заживают оставленные ею раны. Сидя у окна, перебирает Ксения нитку яшмовых бус и думает о человеке, который всегда был для нее единственным на свете. О том, кого считали предателем и прислужником фрицев, не догадываясь, какую сложную и опасную миссию он выполняет...

Отгремела война, как в калейдоскопе, промелькнули годы, а Ксения все так же хранит заветную нитку и верит в чудо.

УДК 821.161.1-3

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Розенблит М., 2017

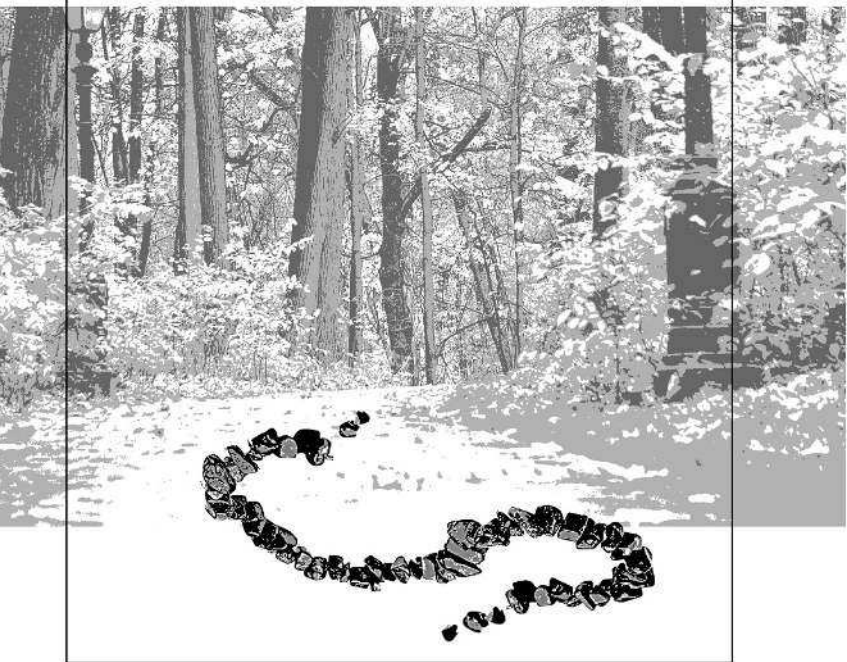
© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-98261-5

ЯШМОВЫЕ БУСЫ

ПОВЕСТЬ

*Светлой памяти моей мамы,
Катерины Григорьевны*

Когда-то, при старом правительстве, в этом месте хранилась всякая всячина для нужд войсковой части. Летом жизнь оживлялась: открывался оздоровительный лагерь для школьников, детей военнослужащих, под названием «Звезда».

Для новой власти остались почерневшие от времени, ни к чему не пригодные деревянные домики. Сверкавшие раньше на солнце серебром буквы «Звезды» приобрели грязно-серый оттенок и стали совсем незаметными. Кому-то из власть имущих пришла мысль открыть здесь дом престарелых. Злые языки поговаривали, что одному из начальников надо было куда-то пристроить старую тещу...

В скором времени подгнившие доски заменили новыми, утеплили стены, обновили канализацию. Строения покрасили, обнаружив в одном из сараев запасы краски. И заброшенные ранее домики вновь засверкали, радуя глаз.

Директором назначили чиновника из районной администрации Игоря Васильевича Круж-

кова. Тот был рад-радешенек, потому как в скором времени ему предстояло уйти на пенсию, а на новой должности надеялся еще поработать.

Обслуживающий и медицинский персонал определился быстро: в крае, как и везде, процветала безработица.

Открытие заведения прошло тихо и незаметно. Для торжеств было не то время: многие еще не оправились после так называемой перестройки. Поэтому чиновники из района представили директора, пожалы всем руки и поспешили уехать.

Первые обитатели заведения начали поступать сразу же.

Народ был разный: выжившие после инсульта, инвалиды с рождения и просто старики, не могущие себя обслужить. Хотя никто из них этого не признавал.

— Сын достраивает дом, еще немножко осталось, и приедет за мной. Заберет домой, — ежедневно сообщала соседкам по комнате Наталья Федоровна Кизлякова. Она еще сама себя обслуживала и даже пыталась помогать нянечкам в уборке комнаты.

В отчетных документах дом престарелых все еще именовался старым названием школьного лагеря «Звезда». Затем сверху поступило

Ашмовые бусы

настоятельное предложение переименовать учреждение, дабы не пропагандировать бывшие символы.

Благодарный теперешней власти, Игорь Васильич совместно с женой Валюшкой придумал дому престарелых название «Закат». Безмолвное, смиренное «Закат» заменило отдающую пролетариатом «Звезду». Гордый своим авторством, Игорь Васильич справедливо ожидал от начальства поощрения. Но неожиданно к нему в кабинет пришла делегация от обитателей вверенного ему учреждения, чему он искренне удивился.

Делегация была разношерстной, начиная от одноногого деда Петра на костылях и заканчивая всегда поющим дурачком Вадиком. Говорила от ходоков бойкая и полюбившаяся всем медсестра Настюша:

— Игорь Васильевич, все требуют другого названия для нашего приюта! — (Старики упорно называли учреждение приютом.) — Никто не хочет этого «Заката». И даже некоторые боятся!.. Не по-божески это!

Затем Настя с невинным выражением на лице смиренно предложила:

— Уважаемый Игорь Васильевич! Мы здесь посоветовались и решили: пусть наш дом называется «Зорька». Пожилые люди привыкли вставать рано, на зорьке...

Все выжидательно смотрели на директора. Тот озабоченно нахмурил чело, мысленно произнес несколько раз слово «Зорька» и, не найдя аналогии с «пролетариатом», важно кивнул в знак согласия. Настя оглянулась на свой отряд и нарочито громко произнесла:

— Вот видите, я же говорила, что наш директор — понимающий человек!

Прием нового жильца всегда был событием для всех.

Сегодня новую жиличку привезли из ближайшего села Зорянское. Старушка была слепой. Сопровождали ее председатель сельсовета и молодая девушка Катя. Пока Варвара Поликарповна, старшая медсестра, оформляла документы, Катя отозвала Настю в сторону и взволнованно заговорила:

— Баба Ксения не хочет, чтобы дочки узнали, что она ослепла. Опасается, заберут ее тогда к себе за границу, они там живут. А она призналась мне, что кого-то ждет. Уже давно ждет. Поэтому не может уехать. Вообще-то ей скоро восемьдесят, может, и с головой что-то не в порядке...

Кате стало неловко, она на время замолчала, затем продолжила:

— У нее сумочка с письмами, она ее из рук не выпускает. Будет просить почитать ей

Ашмовые бусы

вслух. Там последнее письмо я сама написала, будто бы от дочери Наташи. Потому что бабушка каждое утро стоит у ворот, меня выглядывает. Я почтальоном работаю. Дочки нечасто пишут. Будешь ей перечитывать — добавляй что-нибудь от себя. Я писала на скорую руку. А вон уже и председатель идет, будем домой двигать... Да! В паспорте бабы Ксении бумажка с адресами дочек, я положила. На всякий случай. Ну ладно, бывай!

Ксению Ивановну в пятую палату привела медсестра Настя. В углу, за дверью, была свободная койка, там бабушка Ксения и расположилась. Сразу пришлось всем по душе. В первый же день успела рассказать, что не одинока, ни-ни! Есть две дочери, но живут далеко... Все заметили, что Ксения Ивановна совсем не видит. Только свет электрической лампочки различает. Поэтому и оказалась здесь.

— Если бы узнали дочери, что я ослепла, мигом бы приехали, забрали! Но я не признаюсь. Пусть поживут спокойно.

Валентина Петровна, как всегда пребывающая в плохом настроении, язвительно протянула:

— Поня-я-тно! Всех отсюда позабирают дочери, сыновья. Я одна останусь. Меня никто не возьмет... И правильно сделает! Кому я нужна неходячая, в коляске?!

Бабуся Кизлякова не выдержала:

— Я извиняюсь, Петровна! Знаю, что ты раньше работала на умственной работе. А вот отчего такая злая — не пойму! Не дашь людям порадоваться!

Сама Кизлякова считала долгом по утрам задавать настроение своим соседкам. Начинала с рассказа, что видела ночью во сне:

— Мой Юрик наконец-то достроил дом. Приезжает за мной на серебристой, точь-в-точь как у директора приюта, машине, и мы с сыном уезжаем домой!.. А вы все будто должны приехать на следующую неделю ко мне в гости... И аккурат в этом месте наша Верка закашлялась, а я проснулась!

Валентина Петровна ворчливо заметила:

— Ты уже несколько раз это рассказывала! Забыла разве?

— Значит, сбудется! — быстро нашлась рассказчица.

Сон Кизляковой был в руку. Ближе к вечеру к ним в комнату ввалился мужчина неопределенного возраста, с синяком вполлица. Следы тяжелой жизни отразились также на его надорванном опухшем ухе. Оглядев всех мутными глазами, задержался на Кизляковой, опустился на ближайший стул и заплетающимся языком выговорил:

Линьковые бусы

— Вот, пришел... Маманя, помоги! Дай денег!

В комнате зависла тишина. Женщины смотрели друг на друга. Кто-то спросил:

— Это к кому?

Ответ нашелся у Валентины Петровны:

— Это к нашей Кизляковой. Там, во дворе, наверное, серебристая машина стоит?

Никто не улыбнулся. Все сочувственно глядели на Кизлякову. Та как-то враз съежилась, стала меньше ростом, беспомощно переводя взгляд с одной женщины на другую... После паузы обреченно молвила:

— Да, это мой Юрик.

Прикорнувший к тому моменту Юрик встрепенулся и, твердо блюдя свой интерес, как мог, членораздельно подтвердил:

— Да! Я — Юра! Мамань, долго не приходил, цени! У тебя собралась пенсия, дай! Не все высчитывают в бухгалтерии, я знаю!..

Кизлякова вытащила из-под подушки узелок, отвернувшись от сына, стала развязывать. Руки ее дрожали, развязать не получалось. Жаждающий Юрик нетерпеливо бросил:

— Да не развязывай! Давай так, потом развяжу, — и протянул было руки за узелком.

Но неожиданно в диалог вступила все та же Валентина Петровна. Она подъехала коляской близко к Юрику, чуть ли не задев ко-

лесом его ногу, и приказным тоном бывшего физрука школы выдала:

— Ты получишь денег ровно на билет, доехать домой. Еще на хлеб. На остальное — сам зарабатывай! Еще раз в таком состоянии приедешь к матери, лично сдам в милицию!

Юрик озираясь вокруг в поисках справедливости. Не найдя ее, впал в глубокое уныние, но затем его взгляд опять вернулся к заветному узелку и уже намертво прикипел к нему.

Валентина Петровна повернулась к Кизляковой и мягко молвила:

— Дай, Наташа, я развяжу! — и, передавая в руки Юрику деньги, добавила: — В следующий раз замечание будет физическим! Не гляди, что я на коляске! Понял?

Во время дискуссии новенькая, Ксения Ивановна, с надеждой в голосе периодически вопрошала:

— Кто-то к нам пришел? Я ничего не вижу, только слышу мужской голос... Нет, наверное, не ко мне это...

* * *

Спустя время молва о приюте «Зорька» вышла за пределы района. В бухгалтерии лежал длинный список из ожидающих свободного места. Пришлось пристроить к кирпичному дому, где находилась администрация, допол-

Ашмовые бусы

нительное помещение. Это позволяло иметь в запасе свободные места.

Появились здесь свои старожилы, радеющие за порядок в их маленьком обществе. Одним из таких был одноногий дед Петро Николаевич, передвигавшийся на костылях. Второй ноги лишился десять лет назад, попав под машину. После смерти жены продал дом и перешел жить к сыну с невесткой. Но почувствовав себя лишним, попросился сюда.

Со временем по следу хозяина за ним пришел его пес Борман. Под стать хозяину, он прыгал на трех ногах: не было до половины передней лапы. Как поведал Петро Николаевич, попал Борман когда-то в капкан.

Рядом с сараем, где была им же ранее оборудована кладовка, дед соорудил своему питомцу будку, и Борман чувствовал себя хозяином на вверенной ему территории.

В летнюю пору дед Петро и пес заступали «в ночь на вахту». Что они сторожили — никому не было известно, в том числе и им самим. Утром, после завтрака, Петро Николаевич, с чувством исполненного долга, ложился в своей комнате поспать после «ночной смены».

Периодически в их мирный, тихий приют приходила «беда». Ее принимала старшая медсестра Варвара Поликарповна.